

А. В. Кобзев, Т. А. Кобзева

Мусульманские школы в татарских селениях Симбирского — Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг.

В 1917–1922 гг. страна и населяющие ее народы пережили Великую российскую революцию, в результате которой к власти пришла партия большевиков и была создана новая советская государственность, исключавшая религию как систему мировоззрения, образ жизни и социальный институт. К этому времени мусульманские общины Среднего Поволжья обладали сложившейся религиозной инфраструктурой, включавшей многочисленные мечети, мектебе, медресе, корпорацию профессиональных служителей культа, мутаваллиаты и вакфы. К 1911 г. в 190 мусульманских учебных заведениях (мектебе и медресе) Симбирской губернии обучались 10 609 детей, из них 9431 мальчик и 1178 девочек¹; открылись первые новометодные школы, в программе обучения которых использовались элементы светской культуры и мировоззрения².

Одной из точек отсчета в выстраивании большевиками новой модели государственно-конфессиональных отношений в Советской России стал Декрет СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»³. Положения декрета распространялись на все конфессии страны и коренным образом меняли общественно-политические условия, правовой статус и направления деятельности религиозных организаций. Это в том числе касалось и религиозного образования. В статье 9 говорилось о запрете религиозного обучения во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы. Обучение религии разрешалось частным образом⁴.

Кобзев

Александр

Викторович

канд. ист. наук, вед.
науч. сотр., Ленинский
мемориал (Ульяновск,
Россия)

Кобзева

Татьяна

Александровна

канд. ист. наук,
доц., Ульяновский
государственный
педагогический
университет им.
И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Фактически с момента установления советской власти и принятия первых декретов были запущены процессы последовательного вытеснения религии из образовательной сферы и построения новой школьной советской системы. Эти процессы сопровождались ломкой прежних органов управления народным образованием и созданием единой централизованной системы управления культурной жизнью страны⁵.

В политике советского государства в отношении мусульманских школ прослеживается два этапа: 1) 1918–1924 гг.; 2) 1924–1929 гг. В качестве рубежных событий можно выделить упомянутый выше декрет, Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 9 июня 1924 г. «О разрешении религиозного обучения в мечетях» и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

В предлагаемой статье на основе архивных материалов представлен анализ разнонаправленных и в то же время тесно взаимосвязанных событий и процессов, происходивших в религиозно-образовательной сфере мусульманских общин Симбирского — Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. С одной стороны, это были коллективные усилия татарских религиозных обществ, направленные на поддержку элементов традиционного религиозного образования путем открытия религиозных школ и организации нелегальных форм обучения. С другой — построение новой советской школьной системы с национально-светским компонентом для нерусского населения при полномасштабной поддержке государства. В отечественной историографии эти вопросы рассматривались преимущественно на примере соседних регионов Среднего Поволжья. Функционирование татарских религиозных школ в Симбирском — Ульяновском регионе затрагивалось эпизодически.

Во время Гражданской войны реализация положений декрета в регионах страны ограниченными силами местных партийно-комсомольских структур была проблематичной. Советской власти приходилось считаться с культурно-бытовыми особенностями национальных окраин и проводить гибкую политику по отношению к мусульманскому сообществу России⁶. По мнению историков, мусульманская община в 1920-е гг. все еще могла функционировать в прежних дореволюционных рамках, сохранялись некоторые экономические и законодательные условия, позволявшие поддерживать религиозные традиции. Это касалось и возможностей мусульманской общины в организации религиозного обучения и воспитания детей при мечети⁷. В своем докладе о просвещении татар Симбирской губернии, произнесенном на заседании татарских коммунистов Симбирска 17 февраля 1921 г., заведующий татбюро К. Ш. Абраров подчеркнул, что «татары находятся почти в положении до октябрьского переворота; все школьные, внешкольные, дошкольные вопросы, несмотря на четырехлетие свободы, стоят нетронутыми. При работе секция встречает массу препятствий и непонимание пожеланий секции» со стороны населения⁸. На этот счет в докладе отдела образования Курмышского уезда Симбирской губернии за 1921 г. отмечалось, что школа поменялась внешне: сменила вывеску с религиозной на единую трудовую, при этом внутренне осталась прежней и «далекой от жизни», «тем более от трудовой школы»⁹.

В первой половине 1920-х гг. советское государство приняло ряд нормативных актов, конкретизировавших практику применения положений декрета. В бюллетене Наркомпроса за № 22 от 20 мая 1921 г. акцентировалось внимание на недопустимости преподавания вероучения в учебных заведениях лицам моложе 18 лет и необходимости выявления подобных фактов преподавания религии¹⁰. В декабре 1922 г. на X Всероссийском съезде Советов религиозные школы были признаны вредными для «народного просвещения» и подтвержден запрет организации частных школ, к каковым относились инициативы систематического преподавания вероучения¹¹.

Последовательное давление государства на систему мусульманского образования началось после выхода 3 января 1923 г. Постановления Наркомпроса РСФСР «О преодолении вероучения в мусульманских школах» и Декрета ВЦИК о закрытии религиозных школ. По оценкам исследователей, эти законодательные решения послужили основой для применения административно-принудительных мер против служителей культа и религиозного влияния в школе¹².

В Симбирской — Ульяновской губернии предпринимались различные меры для закрытия действующих религиозных школ и пресечения деятельности подпольных учебных религиозных групп. Кампания по закрытию мусульманских школ в Симбирской губернии развернулась с первой половины 1923 г.¹³ Так, 22 февраля губисполком принял проект постановления № 46 о ликвидации религиозных школ, в которых обучались лица младше 18 лет¹⁴. Это касалось еврейских хедеров, татарских мектебе и медресе. К религиозным школам приравнивались все случаи группового обучения детей до 18 лет. Виновные в неисполнении постановления привлекались к судебной ответственности, а надзор за исполнением возлагался на губернский отдел управления, милицию, волостные и сельские советы¹⁵. Почти месяц спустя, 23 марта, по ходатайству Симбирского губернского отдела народного образования (губоно) в уезды губернии был разослан циркуляр о закрытии религиозных школ в случае их обнаружения¹⁶. Летом 1923 г. подотдел нацмен и агитационно-пропагандистский отдел (АПО) при губкоме РКП(б) отчитались о выполнении постановления. Без подробностей в отчетах было заявлено о закрытии религиозных школ, существовавших «до последнего времени» в татарских деревнях Симбирской губернии¹⁷.

Относительно полное представление о проведении кампании можно составить на примере закрытия мектебе в Симбирске. В губернском центре религиозная школа была открыта предположительно в первой половине 1921 г. в доме № 2 по ул. Миллионной¹⁸. До 1917 г. здесь обучались татарские девочки, и фактически была возобновлена работа мектебе¹⁹. 28 октября 1921 г. коммунальная служба города выдала ордер на это же здание 37-й советской (татарской) школе²⁰. Возникла спорная ситуация, которая в апреле 1922 г. была разрешена городскими властями в пользу советской школы. Ордер, выданный религиозной общине, был аннулирован²¹.

Вновь мусульманская школа в Симбирске открылась при городской мечети на ул. Лосевой. По данным председателя Симбирского губернского совета национальных меньшинств (губсовнацмена) т. Максимова, это произошло

поздней осенью 1922 г.²² Основанием послужил циркуляр Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнаца) от 23 октября 1922 г. за № 3013, копию которого муллы получили из Уфы²³. Циркуляр не был утвержден СНК и не подлежал выполнению. Согласно разъяснениям Наркомнаца, в циркуляре говорилось о разрешении преподавания вероучения негруппового характера²⁴.

Местные власти закрыли школу 24 марта 1923 г. В этот день ее посетили сотрудник подотдела нацмен при губкоме РКП(б) А. Делоткозин, инструктор ЦК РКП(б) Мухамедьяров и секретарь Губсовнацмена К. Ш. Абраров. Они застали в школе 30 учеников младше 18 лет²⁵. Преподавателями оказались мулла Гафаров²⁶ и Сагадетдин Хамзин. На требование предъявить разрешение они показали вышеупомянутую копию циркуляра Наркомнаца. По факту незаконного религиозного обучения был составлен акт, и прокурорским надзором преподаватели вероучения были привлечены к юридической ответственности²⁷. Мерой наказания стали принудительные работы сроком от одного до шести месяцев²⁸.

После симбирских событий местные власти приступили к проведению кампании в «в глуши» губернии, где, по данным губоно, все еще оставались мусульманские школы. Уездным отделам образования было предписано закрывать таковые в случае обнаружения²⁹. В докладе татарского бюро агитационно-пропагандистского отдела губкома РКП(б) было заявлено, что такая работа велась путем разъяснения Декрета об отделении церкви от государства, и в результате антирелигиозной пропаганды религиозные школы «сами собой ликвидировались»³⁰. Видимо, так и было, но все же в более скромных масштабах, и там, где для того имелись организационные и идеологические условия. Например, известно, что к 1 января 1924 г. удалось закрыть мусульманские школы не только в Симбирске, но и на Самайкинской и Екатерининской фабриках³¹.

В источниках встречаются противоречивые оценки отношения татар-мусульман к ликвидации религиозных школ. С одной стороны, по мнению губоно, татарское население Симбирской губернии не проявляло «особой настойчивости» к их сохранению. В губоно были убеждены, что этот «больной вопрос можно считать изжитым», если в будущем не идти на уступки. Спокойное отношение местных татар объяснялось позитивным влиянием соседней Татарской АССР, где религиозные школы были закрыты раньше, чем в Симбирской губернии³². С другой стороны, в информационных отчетах и докладах за 1924–1925 гг. неоднократно указывалось на негативный эффект сосуществования мусульманских и советских школ, так как дети подчас не знали, в какую из них идти, либо посещали обе школы одновременно³³.

Ситуация в той самой «глуши» — татарской деревне — оказалась сложней, чем это представлялось. Крестьяне, по возможности, выказывали свою обеспокоенность фактом исключения вероучения из советской татарской школы. Так, с 1 по 3 марта 1920 г. по инициативе татарских коммунистов с участием имамов был проведен II Карсунский уездный татарский съезд, на котором крестьяне д. Стрельниково заявили, что поддерживают единую трудовую школу, но сильно «обижаются» за исключение из нее вероучения и просят возобновить

религиозное обучение³⁴. Часть татарского населения как минимум не противопоставляла эти школы друг другу и считала полезным одновременное обучение и светским, и религиозным предметам.

В 1922–1924 гг. мусульманские общины российских регионов развернули кампанию в защиту религиозных школ. Верующие составляли многочисленные петиции с требованиями разрешить религиозное обучение³⁵. По данным Совнацмена Наркомпроса, особенно много петиций с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. поступило от «евреев и мусульман»³⁶.

Активную позицию в отстаивании права на религиозное обучение заняло Центральное духовное управление мусульман. В марте 1923 г. ЦДУМ в письме в ВЦИК РСФСР просил разрешить религиозное обучение детей школьного возраста до 18 лет в мечетях, в мектебе, а также в общегражданских школах во внеурочное время³⁷. Немаловажную роль сыграли и решения Всероссийского мусульманского съезда 10 июня 1923 г. о разрешении религиозного обучения³⁸. Это дало временный результат — власти пошли на тактические уступки: были изданы Постановления Президиума ВЦИК и приказы НКВД по вопросам преподавания вероучения³⁹.

По Постановлению Президиума ВЦИК РСФСР от 9 июня 1924 г. преподавание мусульманского вероучения допускалось в мечетях с разрешения местных органов власти. Обучение могли пройти граждане СССР с 14 лет или окончившие школу первой ступени⁴⁰. По данным на 21 сентября 1924 г., в Ульяновской губернии было 27 татарских школ первой ступени из 177⁴¹. В учебном 1924/25 г. в них обучалось 36 % татарских детей школьного возраста⁴². Исходя из возрастного ценза по состоянию на 1924 г., это могли быть подростки, как минимум родившиеся в 1910 г. И это было существенным послаблением для населения⁴³.

27 июля 1925 г. Президиум ВЦИК утвердил «Инструкцию о преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей» с подробным описанием порядка оформления заявки на открытие религиозной школы. К образовательному и возрастному условиям добавилось регистрационное требование. Подателями заявления могли быть верующие, подписавшие договор на пользование мечети. Другими словами, чтобы открыть религиозную школу, община верующих предварительно должна была зарегистрироваться и иметь на руках договор на пользование мечетью⁴⁴. В 1929 г. в Ульяновском округе насчитывалось 107 мечетей⁴⁵.

В 1920-х — начале 1930-х гг. татары-мусульмане Симбирской — Ульяновской губернии периодически ходатайствовали об открытии религиозных школ. По оценкам местной власти, активность мусульманских общин Ульяновской губернии стала особенно заметна с 1925 г., когда в соседней Татарской АССР вновь разрешили открывать религиозные школы⁴⁶. Верующие ряда деревень делали это неоднократно. Например, крестьяне д. Елховоозерной Симбирского уезда. В 1922 г. их приговор поступил в Губернский отдел национальностей, но, видимо, безрезультатно⁴⁷. В 1924 г. они предприняли повторную попытку. На заседании коллегии нацмен в выступлении т. Молоствовкина было отмечено «горячее участие» в организации школы «татарского духовенства»⁴⁸.

13 сентября 1925 г. в Ульяновский уездный комитет поступило коллективное прошение четырех религиозных общин. Инициатива верующих стала поводом для переписки между региональными и центральными органами власти по практике применения Постановления Президиума ВЦИК РСФСР. Местные уездные комитеты придерживались позиции, что оно распространялось только на «республики-окраины» СССР и разрешение религиозного обучения местным татарам подтолкнет другие национальности к аналогичным петициям⁴⁹. В разъяснении АПО и подотдела Нацмен ВКП(б) от 16 апреля 1926 г. было указано, что независимо от административного статуса положение о разрешении преподавания мусульманского вероучения распространялось на все регионы Советского Союза, где проживали мусульмане⁵⁰.

В 1925–1926 гг. аналогичные прошения подавали татары Карсунского, Ульяновского и Ардатовского уездов. В д. Старое Тимошкино уполномоченным верующих был некто Ромазанов. Крестьяне д. Калда с целью организации обучения детей пригласили имама из соседней деревни Старое Тимошкино и перевезли его имущество, дом с надворными постройками⁵¹. Ходатайства поступили от мусульманских общин деревень Нагаево и Ломаты⁵².

В д. Новые Тимерсяны власти разрешили открыть пять религиозных школ⁵³. 3 февраля 1926 г. в деревне прошли общеприходские собрания верующих, на которых были назначены уполномоченные для «возбуждения ходатайства» из представителей приходского совета («управления культового имущества») и рядовых верующих. В общих собраниях наряду с мужчинами участвовали мусульманки, хотя их общая численность и доля были небольшими (37 женщин из 385 прихожан, 9,6 %). При мечетях планировалось проводить религиозное обучение детей «по два часа в день с 3 до 5 часов ежедневно, кроме дня отдыха (пятницы)». Общая численность учащихся (15–19 лет) при пяти мечетях составляла 106 чел., из них 88 мальчиков (83,1 %) и 18 девочек (16,9 %)⁵⁴.

Разрешения на преподавание мусульманского вероучения были выданы 30 июля 1926 г. сроком до 1 января 1927 г. Обучение в школах, судя по всему, началось с 1 октября 1926 г. Без согласования с уездным исполкомом они проработали до 5 февраля 1927 г., за что «виновные» в несоблюдении сроков были привлечены к ответственности, а материалы направлены в ОГПУ⁵⁵.

В Ульяновске последняя попытка организации религиозного учебного заведения была предпринята 18 мая 1924 г. на объединенном собрании верующих 1-го и 2-го мусульманских приходов. На обсуждение был вынесен вопрос об открытии «духовного училища» для подготовки мулл и муэдзинов. В ходе обсуждения собрание постановило не открывать училище по причине предстоящих больших расходов⁵⁶. Спустя семь месяцев, 24 декабря 1924 г., приходской совет Второй мечети г. Ульяновска ходатайствовал о «разрешении преподавания мусульманского вероучения в помещении мечети», но разрешения от органов советской власти так и не получил⁵⁷.

В целом сведения о мусульманских школах, легально действовавших в Ульяновской губернии в 1925–1927 гг., фрагментарны. В региональных архивных материалах не обнаружено исчерпывающих статистических и делопроизводственных данных. Ретроспективно к 1918 г. на территории региона в гра-

ницах современной Ульяновской области было примерно 95 мусульманских школ⁵⁸. Однако точно неизвестно, сколько из них в 1920-х — начале 1930-х гг. существовало легально и сколько подпольно. К середине 1926 г. в пределах Татарской АССР религиозным обучением было охвачено 10 840 детей, а в областных регионах РСФСР — 4301 чел.⁵⁹

Татарское население активно поддерживало практику религиозного обучения. В отчете местных органов власти от 1 января 1926 г. отмечалось, что татары «крепко держатся за религию»: строят мечети, организуют религиозные приходы, ходатайствуют об открытии религиозных школ⁶⁰. Участник XV Губернского съезда Советов т. Буранов 5 апреля 1927 г. обратил внимание делегатов на тот факт, что татары в большинстве своем не противодействуют открытию, а, наоборот, чуть ли не приветствуют открытие религиозных школ. Кроме того, многие татарские учителя в советских школах «происходят из духовного звания» и до сих пор не порвали связи со своими родителями⁶¹. В свою очередь, татарские коммунисты, как следует из материалов совещания Средне-Волжской области за 1928 г. по партийным задачам «в работе среди» нацмен, также не отличались рвением в борьбе с религией в школе⁶². Что уж говорить о населении, которое относилось к бытованию религиозных практик в школьной среде и к изучению религии как к само собой разумеющемуся явлению.

В советские школы дети не ходили по разным причинам. В документах перечисляются дальность расстояния, малая вместительность школ, неразвитость школьной сети, бедность (элементарное отсутствие обуви и одежды), занятость детей в крестьянском хозяйстве, их участие вместе со взрослыми в отхожих промыслах, отсутствие религиозного обучения; сказывалось и влияние авторитета религиозных лидеров мусульманской общины⁶³. Так, на III Все-союзном совещании татарских и башкирских работников при АПО ЦК ВКП(б), прошедшем с 25 мая по 1 июня 1926 г., «религиозное движение» за открытие мусульманских школ рассматривалось как одно из препятствий, с которыми столкнулись коммунисты в ходе проведения антирелигиозной пропаганды⁶⁴.

Термин «религиозное движение» встречается с конца 1922 — начала 1923 г. и подразумевает активность мусульманских служителей культа в образовательной сфере⁶⁵. Со второй половины 1920-х гг. с ним связывалось усиление общественной активности мусульманских служителей культа, отмечалась сравнительно высокая социальная мобилизованность татар-мусульман⁶⁶. С точки зрения представителей местной власти, «успешный» опыт мусульман негативно влиял на православных (русских, чувашей, мордву), которые тоже подумывали об открытии религиозных школ.

Во второй половине 1920-х гг. в рамках антирелигиозной политики государства неоднократно поднимался вопрос о закрытии религиозных школ и принятии мер противодействия религиозному влиянию на общество. Окончательно точка в этом вопросе была поставлена в течение трех лет в 1927–1929 гг.⁶⁷

Утверждения об отсутствии официально действующих мусульманских школ в Ульяновской губернии встречаются примерно с 1925–1926 гг.⁶⁸ Правда, по документам не видно, о каких именно школах шла речь — официально открытых или нелегальных. Определенную ясность вносит отчетный доклад

татсекции АПО от 23 октября 1927 г., в котором отмечалось отсутствие в ряде татарских деревень губернии официально существующих школ и наличие подпольных школ⁶⁹. По свидетельству Валитова, подготовившего докладную записку о результатах поездки в Чердаклинский район, в 1929 г. не было ни легальных, ни нелегальных мусульманских школ. В деревнях Татарское Урайкино, Енганаево, Уразгильдино и Татарский Калмаюр левобережной части Ульяновского района религиозные школы официально существовали до 1928–1929 гг., а затем были закрыты. Согласно его выводам, в районе к этому времени не осталось ни официально действующих, ни подпольных религиозных школ⁷⁰.

По всей видимости, деинституциализация религиозно-образовательной сферы мусульманских общин в Симбирском — Ульяновском Поволжье как минимум завершилась на рубеже 1929–1930-х гг. К этому времени в регионе прекратили свое существование как легально открытые, так и нелегально действовавшие мусульманские школы. На это же время приходится последняя волна подачи ходатайств об открытии религиозных школ. Например, в д. Ахметлеи Сызранского уезда в 1928 г. «многие зажиточные» крестьяне интересовались, «нельзя ли открыть религиозную школу». В материалах «о культурно-массовой работе в деревне» было записано: «...кажется, ходатайствовали, но им не разрешили...»⁷¹.

В декабре 1928 г. крестьяне девяти татарских деревень левобережной части Ульяновского края организовали кампанию за открытие религиозных школ. В списках крестьян, поддержавших заявления, оказалось 2,9 тыс. чел. обоего пола. Текст заявлений с небольшими отличиями практически един. Верующие ходатайствовали о разрешении муллам проповедовать мусульманское вероучение, обучать арабскому языку и религии всех совершеннолетних жителей, в том числе и подростков с 14 лет. Заявления уполномоченных, списки домохозяев и членов их семей были заверены подписями грамотных крестьян на русском и арабском языках⁷².

Подача ходатайства была зафиксирована и в других районах Ульяновского края. Так, 22 октября 1930 г. в татарской деревне Мосеевка Старо-Кулаткинского района на собрании женщин в числе 22 чел. был составлен протокол об организации религиозного обучения в одной из четырех советских школ. Однако представитель краевой власти от женщин-делегатов т. Клячева заявила, что для этого нет свободного помещения⁷³.

Сравнение действий местной советской власти в 1920-х гг. позволяет сделать вывод о реализации двух стратегий. В первой половине 1920-х гг. в Симбирской — Ульяновской губернии усилия местных органов власти были направлены на закрытие мусульманских школ, открытых еще в дореволюционное время. Во второй половине 1920-х гг. — на пресечение открытия новых мусульманских школ, выявление и закрытие подпольных.

Эта установка всячески подчеркивалась в документах центральных и региональных органов власти и фактически служила директивным указанием к конкретным действиям — «препятствовать созданию религиозных школ», «вскрывать организуемые нелегально религиозные школы», привлекать за это к судебной ответственности мусульманских служителей культа⁷⁴. К этому

должны были подключиться общественные организации. Например, 3 декабря 1928 г. Средневолжский обком ВКП(б) разослал окружным и районным советам безбожников (татаро-башкирской секции) требование собрать информацию о состоянии «религиозного движения» в крае. В частности, следовало выяснить количество официально действующих и «нелегальных» религиозных школ⁷⁵.

Формально под категорию «нелегальных», или «подпольных», школ или «тайно» организованных форматов религиозного обучения подпадали все мусульманские школы, действовавшие или организованные в нарушение положений Декрета «Об отделении церкви от школы» и последующих инструкций и разъяснений центральных органов советской власти. Так, в отчете «О состоянии работы среди татар по Ульяновской губернии за 1926–1927 гг.» по Сызранскому уезду отмечалось, что в основном дети, не посещавшие советскую школу, ходили изучать основы мусульманского вероучения к мулле или к азанче⁷⁶. Причем такое обучение могло идти как на легальной основе, так и нелегально.

Сведения о нелегальных школах встречаются в архивных материалах как минимум с начала 1920-х гг. Например, Сызранский совет отдела народного образования 12 апреля 1922 г. докладывал об организации муллами религиозного обучения. Местный отдел образования принял меры противодействия, однако не уточняется, какие конкретно. В документах отмечено, что «борьба» оказалась затруднительной, так как мุลлы проводили обучение «тайно»⁷⁷. Видимо, подобное продолжалось не один год. Так, по данным Сызранского укома по состоянию на 7 мая 1927 г., в д. Большой Сайман Сызранского уезда были организованы три религиозные школы, в которых «конспиративно» обучалось в среднем 100 детей. Школы находились «по соседству» с муллами. Правда, по источнику неясно, в бывших мектебе или в иных помещениях, например в мечети или в доме муллы⁷⁸. В д. Ахметлей Сызранского уезда в нелегально организованной школе вероучителями были мулла Каляй Багданов, жена торговца Мурада Шилова и дочь муллы Байбеллова — Акима⁷⁹. В д. Елховоозерной в 1924–1925 гг. примерно 25 детей изучали религию у местного духовенства⁸⁰.

В докладе за 1925 г. «О состоянии работы среди национальных меньшинств губернии» отмечалось, что не только во многих татарских селах, но и в фабричных районах возникли религиозные школы «в виде небольших групп» по пять-шесть человек «во главе с муллой»⁸¹. Вряд ли в подобных группах дети занимались легально, а сами школы были открыты в полном соответствии с советскими законами⁸².

Во время проведения переписи населения 1926 г. в ряде татарских деревень Сызранского и Карсунского уездов были выявлены в сельских домах группы детей с «молитвенниками»⁸³ в руках. На одну из таких групп в доме родственника муллы наткнулся агитационно-пропагандистский организатор местной ячейки⁸⁴. Дети сознались, что родители просят учить их религии⁸⁵. По словам секретаря татсекции А. Ильяева⁸⁶, подпольно изучали религию в селениях Ахметлей, Большой Сайман, Старое Тимошкино и Калда⁸⁷. В первых трех селениях, по материалам доклада татсекции от 23 октября 1927 г., было по одной «подпольной» школе⁸⁸. В д. Старое Тимошкино в 1926 г. численность учащихся в подпольной школе оценивалась в 35 чел., в д. Большой Сайман — 15 чел.⁸⁹

В Ульяновске «нелегальным» обучением девочек вероучению занималась дочь местного ахуна Махира Ф. Гафарова. Занятия проводились в доме № 33 на ул. Лосевой. Заметка об этом факте была опубликована в газете «Эшче». 2 апреля 1926 г. заметку под грифом «секретно» секретарь татсекции направил в Губернский административный отдел и в ОГПУ⁹⁰.

Сложно сказать, сколько в действительности было подпольных религиозных школ, но очевидно, несколько больше, чем сообщалось в советских делопроизводственных документах. Косвенно о масштабах подпольного/нелегального религиозного обучения в татарских деревнях Симбирской — Ульяновской губернии можно судить, исходя из официальных данных, характеризующих степень охвата детей советскими школами. Например, в 1923 г. в Ульяновской губернии татарских детей школьного возраста насчитывалось 15 433 чел., из них в 27–28 школах обучались всего 3106 чел., т. е. 20 %, или каждый пятый ребенок⁹¹. Соответственно, до 80 % детей оставались вне советской школьной системы и могли получать традиционное религиозное образование. За два года ситуация не сильно изменилась. К 16 мая 1925 г., по данным Отдела национальных меньшинств, в губернии работало 30 татарских школ первой ступени, в которых обучалось 28 % детей школьного возраста⁹². Как следует из информационного письма от губоно, «за бортом (советской. — А. К.) школы оставалось более 5700 детей»⁹³.

В масштабах Ульяновской губернии численность татарских детей, обучавшихся в советских школах, начинает возрастать с 1926–1927 гг. Так, на 1926 г. приводится цифра в 4420 детей школьного возраста, из которых в советской школе обучались 2483 чел. (56,1 %), т. е. больше половины⁹⁴. В 1927 г., по данным татсекции, из 4034 учащихся в советских школах обучалось 2255 детей (55,9 %) — чуть меньше, чем в прошлом году⁹⁵. В 1929/30 учебном году в Ульяновском округе «обеспеченность детского населения местами в школах» у татар достигла 81 % и была выше, чем у мордвы (68,7 %), чувашей (68 %) и русских (60 %). Только у немцев и эстонцев этот показатель равнялся 100 %⁹⁶.

Тот факт, что татарские дети обучались в советской школе, не исключал вероятности приобщения к религиозной практике и обучения вероисповеданию частным порядком, т. е. в семье или в тех же подпольных школах, или в малых учебных группах. Даже в 1930-х гг. все еще оставались параллельные с советской системой образования каналы религиозной социализации детей. Так, в 1937 г. начальник райотдела УНКВД докладывал секретарю Старокулаткинского РК ВКП(б) Хабибуллину о том, что из 3552 детей 652 ребенка перестали ходить в школу — «рассеялись». В с. Старая Кулатка ученики 6–7-го классов по-прежнему «ходят в мечеть молиться, держат уразу...»⁹⁷. То есть религиозная социализация реализовывалась путем прямого вовлечения детей в культовую практику и осуществлялась в тех татарских деревнях, где еще были открыты мечети.

¹ *Эфи́ров А. Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М., 1948. С. 16.

² *Кобзев А. В.* Мусульманская община Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Нижний Новгород, 2007. С. 176.

³ В советской историографии декрет преимущественно датировался 23 января 1918 г. и назывался «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В отдельных изданиях с тем же названием декрет приводился с датировкой 21 января 1918 г. Был еще один вариант названия декрета и его датировки — «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. Следует отметить, что 20 января — дата подписания декрета, а 23 января — дата официального опубликования. В светской и церковной литературе наиболее употребительным было указание на декрет от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В современной отечественной историографии сохраняется датировка от 23 января 1918 г. с прежним названием — «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В научной литературе высказано обоснованное мнение о необходимости сохранения названия декрета и датировки, принятых в современной историографии. Более подробно см.: *Козлов Ф.* Декрет «О свободе совести...» или «Об отделении церкви...» (1918 г.) // *Эхо веков.* 2015. № 3/4. С. 174–187.

⁴ Декрет СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 286–287. Формально под действие 9-й статьи декрета попадали новометодные школы, в которых сочеталось преподавание мусульманского вероучения и общеобразовательных предметов.

⁵ *Латыпова Г. М.* Народный комиссариат просвещения ТАССР в 1920-е гг.: организация, структура, деятельность: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 20.

⁶ *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 127–128.

⁷ *Мухаметзянов А. А., Миннуллин И. Р.* Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). Нижний Новгород, 2008. С. 55; *Гусева Ю. Н.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород, 2003. С. 169.

⁸ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее — ГАНИ УО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 390. Л. 1 об.

⁹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 401. Л. 2–2 об.

¹⁰ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² *Набиев Р. А.* Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 81.

¹³ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 686. Л. 9; ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 723. Л. 1; Д. 666. Л. 42.

¹⁴ В проекте были ссылки на Постановление заседания Госкомиссии по просвещению, опубликованное в газете «Известия» в № 191 от 5 сентября 1918 г., в котором говорилось о недопустимости религиозного обучения лиц, не достигших 18 лет, и Постановление Президиума коллегии Наркомпроса, принятое на заседании от 13 января 1922 г., о вредности преподавания вероучения для народного просвещения.

¹⁵ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 399. Л. 23.

¹⁶ Там же. Д. 517. Л. 64.

¹⁷ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 686. Л. 59 об.; Д. 680. Л. 50 об.; Д. 686. Л. 7.

¹⁸ В сообщении от 22.02.1923 г. председатель Губсовнацмена т. Максимов писал, что верующие заняли помещение школы в начале осени 1922 г. (ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 723. Л. 1).

¹⁹ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 417. Л. 34. В Симбирске первая мусульманская школа для девочек была открыта в 1907 г. с разрешения учебного начальства. Это была двухклассная начальная школа (ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1270. Л. 18–18 об.).

²⁰ Там же. Д. 531. Л. 19–19 об.

²¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. Л. 51, 53–54; ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 723. Л. 1.

²² Примерно в это же время сотрудники ОГПУ выявили подпольную иудейскую школу.

- ²³ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 64.
- ²⁴ Там же. Д. 723. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 517. Л. 64; Д. 399. Л. 36.
- ²⁶ При Первой соборной мечети работали два имама, братья Гиниятулла Валиулла Гафаров и Мухаметшакир Валиулла Гафаров. Гиниятулла Гафаров — имам мечети с 1896 г. (ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 314. Л. 3 об. — 4), его расстреляли в 1937 г. (Информация предоставлена родственником Алексеем Бахтеевым.) Мухамедшакир был ахунмом Первой соборной мечети Симбирска (ГАУО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–3).
- ²⁷ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 399. Л. 36; Д. 517. Л. 64.
- ²⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 687. Л. 31 об.
- ²⁹ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 64; Д. 723. Л. 1, 11; ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 687. Л. 31 об.
- ³⁰ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 803. Л. 93 об.
- ³¹ Там же. Д. 687. Л. 56 об. Это были фабрики, открытые до 1917 г. татарскими купцами Симбирской губернии. На Самайкинской фабрике насчитывалось 90 работающих татар, а на Екатерининской — 25.
- ³² ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 64–64 об. В 1925 г. в Татарской АССР насчитывалось от 100 до 150 религиозных школ с 5–6 тыс. учащихся (*Миннуллин И. Р.* Судьба мусульманского образования в Советском Татарстане // *Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования».* Казань, май 2003. Казань, 2004. С. 76).
- ³³ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 64; ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 963. Л. 22.
- ³⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 229. Л. 11 об.; *Кобзев А. В.* Второй мусульманский съезд Карсунского уезда в 1920 г. // 1917–1922 гг.: революция, кризис, провинция. Ульяновск, 2020. С. 233–241.
- ³⁵ *Касимов Г.* Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после Революции. Казань, 1932. С. 16; *Хабутдинов А. Ю.* Роль мусульманской элиты в татарском обществе в 1917–1920-х гг. // *Ислам в советском и постсоветском пространстве...* С. 63; *Аблязов К. А.* Светское и религиозное образование в деревне Татарстана: 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 47.
- ³⁶ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 99.
- ³⁷ *Хабутдинов А. Ю.* Роль мусульманской элиты в татарском обществе... С. 63.
- ³⁸ Докладная записка ЦДУМ в Президиум ВЦИК. 4 августа 1923 г. // *Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов.* Вып. 2. М., 2010. С. 60–61; *Миннуллин И. Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. Казань, 2006. С. 154.
- ³⁹ Прежде всего это Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 9 июня 1924 г.
- ⁴⁰ *Сальникова А. А., Галиуллина Д. М.* От «безрелигиозного» к антирелигиозному воспитанию татарских школьников в 1920-е — 1930-х гг.: тактики и практики // *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология.* 2020. Вып. 57. С. 125.
- ⁴¹ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 460. Л. 10.
- ⁴² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1157. Л. 134. В 1925–1926 гг. процент охвата детей школьного возраста вырос до 47,5%.
- ⁴³ *Сальникова А. А., Галиуллина Д. М.* От «безрелигиозного» к антирелигиозному воспитанию... С. 125.
- ⁴⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Д. 1162. Л. 37–37 об.
- ⁴⁵ 1-й Ульяновский окружной съезд безбожников (1–2 июня 1929 года). Ульяновск: Окруж. совет Союза безбожников, 1929 (типолит. № 1-й Коммун. треста) (Спутник безбожника; вып. 1). С. 3.
- ⁴⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 193.
- ⁴⁷ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 517. Л. 64 об.
- ⁴⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 801. Л. 24 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 962. Л. 28–30 об.; Д. 1161. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Д. 1161. Л. 31.
- ⁵¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 249; Д. 1368. Л. 124.

- ⁵² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 104.
- ⁵³ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 294. Л. 41, 68 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1342. Л. 65; Д. 1368. Л. 193.
- ⁵⁴ ГАУО. Ф. Р-266. Оп. 4. Д. 1. Л. 2, 4–7 об., 15–42, 44, 46–48, 54–54 об., 74–76, 83–107, 109–111, 118–148, 150–151 об., 158–170.
- ⁵⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 200; ГАУО. Ф. Р-266. Оп. 4. Д. 1. Л. 2, 44, 72, 107, 148.
- ⁵⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 8; ГАУО. Ф. Р.-633. Оп. 1. Д. 12. Л. 65–69 об.
- ⁵⁷ ГАУО. Ф. Р.-633. Оп. 1. Д. 90. Л. 33, 37–40.
- ⁵⁸ Кобзев А. В. Институты мусульманской общины... С. 959–984.
- ⁵⁹ Сводка фактов, характеризующих деятельность духовенства за вторую половину 1926 года // Ислам и советское государство (По материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). Вып. 1. М., 2010. С. 37.
- ⁶⁰ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 294. Л. 41.
- ⁶¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1359. Л. 129.
- ⁶² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 270. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 249; Д. 1368. Л. 124, 218; ГАУО. Ф. Р.-190. Оп. 1. Д. 730. Л. 26; Д. 893. Л. 106–106 об.; Д. 894. Л. 37 об. В выводах по обследованию школ I ступени Поповского района, проведенному с 25 сентября по 23 октября 1929 г., занятость детей в домашней работе оценивалась как «проклятие индивидуального крестьянского хозяйства» (ГАУО. Ф. Р.-1945. Оп. 1. Д. 3. Л. 120–121).
- ⁶⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1161. Л. 61, 99.
- ⁶⁵ Аблязов К. А. Светское и религиозное образование... С. 46.
- ⁶⁶ См: Записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусульманством». Октябрь 1926 г. // Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Вып. 2. М., 2010. С. 88–92.
- ⁶⁷ Миннуллин И. Р. Судьба мусульманского образования в Советском Татарстане... С. 76; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. (ст. 18) // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3566.htm (дата обращения: 15.03.2022).
- ⁶⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 105; Д. 1459. Л. 156.
- ⁶⁹ Там же. Д. 1368. Л. 92.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 26. Записка была посвящена изучению религиозного состояния татарского населения и постановке антирелигиозной и политико-просветительской работы.
- ⁷¹ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 371. Л. 121.
- ⁷² ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 1833. Л. 20–23, 55–124.
- ⁷³ ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 348. Л. 22–22 об.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 270. Л. 17.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 148.
- ⁷⁷ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 401. Л. 14.
- ⁷⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 218.
- ⁷⁹ Сводка фактов, характеризующих деятельность духовенства за вторую половину 1926 года... С. 37.
- ⁸⁰ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 43. Видимо, имеется в виду, что они не смогли продолжить обучение на четвертый год.
- ⁸¹ Там же. Д. 963. Л. 20.
- ⁸² Там же. Л. 22.
- ⁸³ Возможно, имеются в виду тексты Корана.
- ⁸⁴ В документе не уточняется, в какой деревне это произошло.
- ⁸⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 249; Д. 1368. Л. 124.
- ⁸⁶ Поездка состоялась с 16 декабря 1926 г. по 8 января 1927 г.
- ⁸⁷ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 249; Д. 1368. Л. 124.
- ⁸⁸ Там же. Д. 1368. Л. 92.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 294. Л. 68 об.

⁹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 68–69.

⁹¹ Численность детей школьного возраста (8–14 лет) указана по данным статистики на 1920 г., а количество школ I ступени на 1923/24 уч. г. (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 686. Л. 6–6 об., 97; ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 730. Л. 22).

⁹² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 962. Л. 14 об.

⁹³ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 891. Л. 120.

⁹⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1129. Л. 182.

⁹⁵ Там же. Д. 1368. Л. 87. По источнику не ясна применимость этих цифр — в масштабах губернии или отдельного района.

⁹⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 912. Л. 11.

⁹⁷ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 152. Л. 102.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кобзев А. В., Кобзева Т. А. Мусульманские школы в татарских селениях Симбирского — Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 875–890. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.411>

Аннотация: На основе делопроизводственных документов, хранящихся в Государственном архиве Ульяновской области и Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области в статье рассматривается функционирование мусульманских школ в Симбирском — Ульяновском Поволжье в 1920–1930-е гг. Дается общий обзор реализации политики советского государства в отношении мусульманских религиозных школ. На конкретном фактическом материале анализируется практика применения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. и Постановления Президиума ВЦИК РСФСР от 9 июня 1924 г. о разрешении религиозного обучения в мечетях. В Симбирском — Ульяновском Поволжье кампания по ликвидации мусульманских религиозных школ началась в первой половине 1923 г. и в целом по масштабам и результатам носила ограниченный характер. Наряду с тактическими уступками 1924 г. по вопросу мусульманских религиозных школ советское государство продолжило курс на их последовательную ликвидацию и выстраивание советской школы. Татары-мусульмане неоднократно подавали ходатайства об организации при мечетях религиозного обучения детей и в ряде случаев добивались положительных результатов. В 1920-х гг. в регионе одновременно действовали немногочисленные легально открытые школы и бытовали различные подпольные форматы религиозного обучения татарских детей. Процесс ликвидации религиозных школ в качестве института мусульманской общины как минимум завершился на рубеже 1920–1930-х гг. На это же время приходится и последняя кампания татар-мусульман Симбирского — Ульяновского Поволжья подачи ходатайств об организации религиозного обучения в мечетях.

Ключевые слова: татары, мусульманская школа, религиозное обучение, мектеб, Симбирская губерния, Ульяновская губерния, конфессиональная политика, СССР.

Сведения об авторах: *Кобзев А. В.* — канд. ист. наук, вед. науч. сотр., Ленинский мемориал (Ульяновск, Россия); alkobzev@yandex.ru | *Кобзева Т. А.* — канд. ист. наук, доц., Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия); tadir@mail.ru

Ленинский мемориал, Россия, 432017, Ульяновск, пл. Ленина, 1

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, Россия, 432071, Ульяновск, пл. Ленина, 4/5

FOR CITATION

Kobzev A. V., Kobzeva T. A. 'Muslim Schools in Tatar Villages of the Simbirsk — Ulyanovsk Volga Region in the 1920s–1930s', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 875–890. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.411> (In Russian)

Abstract: The article discusses the functioning of Muslim schools in the Simbirsk — Ulyanovsk Volga Region of the 1920s and 1930s. The article was prepared on the analysis of documents of the State Archive of the Ulyanovsk Region and the State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region. The article has a general overview of the implementation of the Soviet state's policy towards Muslim religious schools. The actual material analyzes the practice of applying the Decree on the separation of church from school of January 23, 1918, and the resolution of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of June 9, 1924 on the permission of religious education in mosques. In the Simbirsk — Ulyanovsk Volga Region, the campaign to liquidate Muslim religious schools began in the first half of 1923. The Soviet state wanted to liquidate Muslim religious schools and implement Soviet schools. Muslim Tatars of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region have repeatedly filed petitions for the organization of religious education for children at mosques. In the 1920s, in the region at the same time there were a few legally open schools and there were various underground forms of religious education for Tatar children. The process of liquidating religious schools ended at the turn of the 1920s and 1930s. The latest applications for the organization of religious training from the Muslim Tatars of the Simbirsk — Ulyanovsk Volga Region were received at the same time.

Keywords: Tatars, Muslim school, religious education, Mekteb, Simbirsk Region, Ulyanovsk Region, confessional politics, USSR.

Authors: *Kobzev A. V.* — PhD in History, Leading Researcher, Lenin Memorial (Ulyanovsk, Russia); alkobzev@yandex.ru | *Kobzeva T. A.* — PhD in History, Associate Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia); tadir@mail.ru

Lenin Memorial, 1, pl. Lenina, Ulyanovsk, 432017, Russia

Ulyanovsk State Pedagogical University, 4/5, pl. Lenina, Ulyanovsk, 432071, Russia

References:

- Abyazov K. A. *Secular and religious education in the village of Tatarstan: 1920–1930s*. [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2005). (In Russian)
- Efirov A. F. *Non-Russian schools of the Volga region, the Urals and Siberia. Historical essays* (Moscow, 1948). (In Russian)
- Guseva Yu. N. *History of Tatar rural communities of the Nizhny Novgorod region in the 20th century (1901–1985)* (Nizhny Novgorod, 2003). (In Russian)
- Islam and the Soviet State (1917–1936). Collection of documents*, ed. by D. Y. Arapov (Moscow, 2010). (In Russian)
- Islam and the Soviet State (Based on the materials of the Eastern Department OGPU. 1926)*, eds D. Y. Arapov, G. G. Kosach (Moscow, 2010). (In Russian)
- Kasimov G. *Essays on the religious and anti-religious movement among the Tatars before and after the Revolution* (Kazan, 1932). (In Russian)
- Khabutdinov A. Yu. 'The role of the Muslim elite in Tatar society in the 1917s–1920s' in *Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriia i metodologicheskie aspekty issledovaniia. Materialy Vserossiiskoi konferentsii "Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniia i bytovaniia"*. Kazan, May 2003 (Kazan, 2004). (In Russian)
- Kobzev A. V. 'Institutes of the Muslim community of the Simbirsk — Ulyanovsk Volga region in the 1920s–1930s', *Minbar*, vol. 12, no. 4, 2019. (In Russian)
- Kobzev A. V. *Muslim community of Simbirsk province in the second half of the 19th — early 20th centuries* (Nizhny Novgorod, 2007). (In Russian)
- Kobzev A. V. 'The second Muslim Congress of the Karsun district in 1920' in *1917–1922 gg.: revoliutsiia, krizis, provintsiia* (Ulyanovsk, 2020). (In Russian)
- Kozlov F. 'Decree "On freedom of conscience..." or "On the separation of the Church..." (1918)', *Ekho vekov*, no. 3/4, 2015. (In Russian)

- Latypova G. M. *People's Commissariat of Education of the TASSR in the 1920s: organization, structure, activity* [Candidate of History Dissertation] (Kazan, 2011). (In Russian)
- Minnullin I. R. *Muslim clergy and power in Tatarstan, 1920s–1930s* (Kazan, 2006). (In Russian)
- Minnullin I. R. 'The fate of Muslim education in Soviet Tatarstan' in *Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriia i metodologicheskie aspekty issledovaniia. Materialy Vserossiiskoi konferentsii "Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniia i bytovaniia"*. Kazan, May 2003 (Kazan, 2004). (In Russian)
- Mukhametzyanov A. A., Minnullin I. R. *Transformation of the institutions of the Muslim community of Tatarstan (1920s–1930s)* (Nizhny Novgorod, 2008). (In Russian)
- Nabiev R. A. *Islam and the State: Cultural and historical evolution of the Muslim religion in the European East* (Kazan, 2002). (In Russian)
- Salnikova A. A., Galiullina D. M. 'From "Non-Religious" to Anti-Religious Education of Tatar Schoolchildren in the 1920s — Early 1930s: Tactics and Practices', *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, iss. 57, 2020. (In Russian)

Received: September 21, 2022

Accepted: July 31, 2023